

**ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КАРТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ГЕНЕЗИС, СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ****В.А.Колосов, Р.Ф.Туровский**

КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН; ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, кандидат политических наук, эксперт Центра политических технологий.

Кампания по выборам президента России, завершившаяся голосованиеми 16 июня и 3 июля 1996 г. и принесящая победу Борису Ельцину, стала новой стадией электорального цикла, который начался с мартовского 1991 г. референдума по вопросу о сохранении Союза ССР и связан с "ельцинским" периодом российской истории. Его отличительной чертой была и остается двухполюсность электората, делящегося на избирателей лояльных и нелояльных по отношению к предложенной модели реформирования общества. Впервые во всероссийском масштабе эта двухполюсность выразилась в результатах мартовского референдума 1991 г. и в разных вариациях воспроизводилась до июля 1996 г., причем тенденции, формирующие более сложную структуру электората, еще весьма слабы. Политико-географические подходы позволяют обнаружить тренды эволюции поведения избирателей по регионам, равнодействующая которых и образует общероссийский электоральный процесс.

Основные тенденции электорального поведения регионов в 1991—1996 гг. Анализ соотношения сил, выявленного референдумами и избирательными кампаниями, показывает, что оно остается в целом удивительно неизменным: основные группы электората довольно стабильны. Поскольку мы исследуем структуру всего электората, пытаюсь выявить его стратификацию, в этом разделе используются показатели голосований от общего числа избирателей. Избиратели-абсентеисты — такая же реальность электорального процесса, как и все прочие группы.

С одной стороны, в России сформировался радикально-традиционалистский, преимущественно левый электорат, который составляет 22-34% всех российских избирателей. Действительно, на президентских выборах 1991 г. за четырех относимых к этому направлению кандидатов (Н.Рыжков, В.Жириновский, А.Тулеев и А.Макашов) проголосовало в сумме 25,32% избирателей. На апрельском референдуме 1993 г. о своем недоверии Б.Ельцину заявили примерно столько же — 25,16% россиян, имеющих право голоса. В декабре того же года за партии радикальной оппозиции — ЛДПР, КПРФ и АПР — отдали голоса 21,92% избирателей (минимум для радикально-традиционалистского голосования, но надо учесть, что многие оппозиционные голоса рассеялись по центристским движениям). Наконец, в декабре 1995 г. партии и движения радикально-традиционалистской ориентации получили 34,41 % голосов, что явилось максимумом для этого типа голосования. Президентские выборы показали, однако, что многие избиратели этих партий и движений сохранили лояльность по отношению к политике Кремля. На президентских выборах 1996 г. Г.Зюганову во втором туре отдали свои голоса 27,73 % россиян (в первом туре — 22,32%, но в нем участвовали также А.Лебедь, В.Жириновский и Ю.Власов).

С другой стороны, в России в результате перестройки возник многослойный лояльно-демократический электорат. Один из его слоев — это реформаторский электорат. Величина данной группы определялась голосованием против сохранения СССР на мартовском референдуме (19,91%), за четыре демократических блока — "Выбор России", "ЯБЛоко", ПРЕС и РДДР — в декабре 1993 г. (17,3%) и за весь спектр демократических движений в декабре 1995 г. (16,32 %). Как видно, величина этой

части российского электората медленно уменьшается, но в целом составляет 16-20% россиян. Другие слои лояльно-демократического электората представлены, во-первых, "контролируемым" властями конформистским электоратом в некоторых республиках (его численность отражает доля голосов за ПРЕС в 1993 г., за НДР в 1995 г., а также за доверие Б.Ельцину на апрельском референдуме 1993 г. и на президентских выборах 1996 г.). Во-вторых, к лояльно-демократическому слою относится также центристский электорат, в основном благосклонный к переменам в стране и не приемлющий радикально-традиционалистскую оппозицию.

Общая численность лояльно-демократического электората за последние годы изменилась мало: 42,76% россиян, голосовавших за Б.Ельцина в 1991 г., 37,65% поддержавших президента в апреле 1993 г. и, наконец, 37,02% избирателей, проголосовавших за него во втором туре президентских выборов 1996 г. Таким образом, лояльно-демократический электорат заметно больше собственно реформаторского, а значит, победы президента обеспечивались за счет привлечения электоральной "периферии" — центристского электората (15-20% россиян) и "контролируемых" избирателей в автономиях и республиках РФ.

Однако если структура постсоветского электората и размеры его сегментов в основном сохраняются, то на региональном уровне изменения происходят, и весьма существенные. Современная картина политического расслоения российских регионов в главных чертах выявилась уже на первых демократических выборах — при голосовании за кандидатов в народные депутаты СССР в марте 1989 г. — и в основном воспроизводится от голосования к голосованию*. География голосования за Б.Ельцина в основном повторяет географию голосования за демократов на парламентских выборах. Корреляция доли голосов за Б.Ельцина во втором туре президентских выборов 1996 г. по всем субъектам Федерации и голосования за все "лояльно-демократические" (или, в других терминах, правоцентристские) избирательные объединения в декабре 1995 г. очень высока ($r=0,80$). Причем, если брать показатели отдельных предвыборных блоков, то окажется, что наиболее высока корреляция с голосованием за НДР ($r=0,69$), и существенна корреляция с голосованием за ДВР ($r=0,31$) и "ЯБЛоко" ($r=0,30$).

* См. также: Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (История и факторы формирования). — В кн. Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: Политология. Выпуск 3, 1996 (17), с. 37-52.

Похожим на нынешнее было политическое расслоение российских регионов и в 1993 г. Коэффициент корреляции между голосованием за Б.Ельцина 3 июля 1996 г. и суммарной долей голосов за четыре демократических блока в декабре 1993 г. (по 88 регионам, кроме Чечни) составляет 0,58 (с "Выбором России" — 0,46). При сравнении рядов показателей теперешнего голосования за Б.Ельцина и голосования о доверии ему на апрельском референдуме 1993 г. получаем $r=0,55$. Обнаруживается значимая связь между последними президентскими выборами и голосованием на мартовском референдуме 1991 г.: коэффициент корреляции между голосованием за Б.Ельцина во втором туре и голосованием "против СССР" оказывается равен 0,36 (по 87 регионам).

Тем не менее, изменения происходят, и в отдельных случаях — весьма значительные. На статистическом уровне совпадения голосования за Б.Ельцина в 1996 и 1991 гг. (по 87 регионам, без учета Чечни и Ингушетии, которые в 1991 г. представляли единое целое) не обнаруживается ($r=0,09!$). Можно утверждать, что современный лояльно-демократический электорат, а также политическое расслоение российских регионов в общих чертах сложились в 1992-1993 гг. — после того, как стали ясны основные тенденции в политике Б.Ельцина, и страна прошла через испытание "шоковой терапией".

Что касается голосования во втором туре за Г.Зюганова, картина складывается еще более ясная; это объясняется большей мобилизованностью и сплоченностью радикально-традиционалистского электората в отличие от лояльно-демократического с его нестабильной центристской периферией. Совпадение с голосованием за радикально-оппозиционные движения в декабре 1995 г. по 89 субъектам федерации чуть ли не полное ($r=0,92$). Причем четко видно, что основу зюгановского электората

составляли избиратели КПРФ ($r=0,85$). Корреляция с голосованием за АПР существенно ниже ($r=0,30$). Еще меньше голосование за Г.Зюганова коррелирует с долей голосов за ЛДПР ($r=0,23$).

Очевидна преемственность левотрадиционалистского голосования с выборами 1993 г. Коэффициент корреляции голосования за Г.Зюганова во втором туре и суммарного голосования за ЛДПР, КПРФ и АПР по 88 регионам составляет 0,81. Столь же высока корреляция и с голосованием против доверия Б.Ельцину на апрельском референдуме 1993 г. ($r=0,80$). В то же время связь с президентскими выборами 1991 г. существенно ниже. Наблюдается лишь слабая положительная зависимость ($r=0,38$) доли голосов за лидера национально-патриотического блока 3 июля 1996 г. и суммарной доли голосов за Н.Рыжкова, В.Жириновского, А.Тулеева и А.Макашова (0,33 — с долей голосов в отдельности за Н.Рыжкова). Поэтому рождение современного радикально-традиционалистского электората, а также формирование нынешних групп оппозиционных регионов также относится главным образом к 1992-1993 гг.

Что же происходило в регионах в переломных 1992-1993 гг.? Наиболее очевидны перемены в российских республиках и регионах, позднее получивших название "красного пояса". Доля избирателей, поддерживающих Б.Ельцина, упала в два и более раза в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестане, которые в 1991 г. были в числе проельцинских регионов (как и Чечено-Ингушетия). В 1,5-2 раза уменьшилась поддержка Президента в Мордовии и Чувашии, а также в Пензенской и Курской областях. В целом уменьшение ельцинского электората затронуло в наибольшей мере республики Северного Кавказа и Волго-Вятского района, области Центрально-Черноземного, отчасти Центрального и Поволжского районов. Но в этом же ряду, вместе с "красным поясом", оказались Челябинская, Нижегородская и Самарская области, которые ушли из числа явных лидеров лояльно-демократического голосования и перешли в разряд "средняков".

Расширение ельцинского электората в основном затронуло те автономии, в которых избиратели-конформисты в 1991 г. поддержали Н.Рыжкова, а в 1993 г. переориентировались на новую власть. Самым показательным стал "кульбит" Тувы, единственного региона России, в котором Н.Рыжков получил абсолютное большинство голосов: в апреле 1993 г. ельцинский электорат вырос здесь почти в 3,5 раза. Похожие, но не столь разительные изменения затронули Северную Осетию, Калмыкию, ряд автономных округов. Из регионов с преобладанием русского населения наиболее заметный прирост лояльно-демократического голосования наблюдался на "северах" — в Магаданской, Мурманской областях, в Республике Коми, автономных округах, а также в Калининградской, Псковской, Ярославской областях.

Таким образом, существенные сдвиги в умонастроениях избирателей в переломных 1992-1993 гг. произошли в целом ряде субъектов Федерации практически по всей России. В 1993-1996 гг. таких сдвигов было уже заметно меньше, отсюда и высокие показатели корреляции между голосованиями.

Динамика лояльно-демократического электората в регионах. В качестве реперной точки возьмем голосование на апрельском референдуме 1993 г. о доверии Б.Ельцину — последнее перед президентскими выборами консолидированное двухполюсное голосование (голосования на парламентских выборах не в счет, поскольку на них лояльно-демократический электорат дробился на реформаторский и центристский). Доли этого электората в общем числе российских избирателей в 1993 и 1996 гг. практически равны. Подобным образом и почти в половине регионов изменения происходят не более чем в 1,1 раза в ту или другую сторону, т.е. доля лояльно-демократического электората сохраняется. Существенный рост этого электората связан прежде всего с республиками, которые еще больше сдвигаются в сторону "реформаторского" неоконформизма, как, например, Калмыкия или Башкирия или переходят от оппозиции к поддержке властей (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия; Мордовия). Интересно, что эти республики прошли цикл от высокой поддержки Б.Ельцина в 1991 г. через высокую оппозиционность в 1993-1995 гг. снова к повышенным показателям голосования за Б.Ельцина, хотя и не

таким, как в июне 1991 г. (кроме Кабардино-Балкарии, немного превысившей результат 1991 г.). Заметен рост лояльно-демократического электората и в Москве, и без того всегда шедшей в авангарде демократического голосования.

В большом числе российских регионов от 1993 к 1996 г. происходило уменьшение лояльно-демократического электората. В этой группе находится большинство самых оппозиционных регионов России, в которых данный электорат продолжал таять. Так, например, в "красной" Тамбовской области его доля уменьшилась в полтора раза — наибольший показатель падения для регионов России. Но подобные тенденции отмечаются и во многих регионах, которые пока еще не вошли в число оппозиционных, "застряв" где-то посередине. Среди них особенно сильно процесс сокращения лояльно-демократического электората затронул Владимирскую область. Та же тенденция выражена еще в целом ряде областей Центральной России — Ивановской, Костромской, Калужской, Тульской, проявляется она и на Северном Кавказе (помимо оппозиционных Ставропольского края и Северной Осетии — в более умеренном Краснодарском крае), в Сибири (кроме традиционно оппозиционного Алтайского края и "новооппозиционного" Кузбасса — в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае, Оренбургской, Нижегородской, Кировской, Свердловской областях). В последней, хотя она и остается одной из самых лояльных, прореформаторский энтузиазм избирателей все же падает, что отличает ее от Москвы и Санкт-Петербурга (еще активнее этот процесс происходит в Челябинской области, тогда как, напротив, более устойчивым, чем в Свердловской области, лояльно-демократический электорат оказался в Пермской). Таким образом, размывание лояльно-демократического электората в 1993-1996 гг. стало заметным фактором политической жизни не только в оппозиционных регионах, но и в значительной части Поволжья, Урала, Сибири.

Эволюция радикально-традиционалистского электората. Понятно, что сокращение лояльно-демократического электората не обязательно сопровождается автоматическим ростом радикально-традиционалистского: разочарованные избиратели могут пополнить категории абсентеистов или "негативистов" (голосующих против всех). В сравнении с 1991 г. наиболее значительный прирост радикально-традиционалистского электората зафиксирован на большей части "красного пояса" от Брянска до Ульяновска и Чебоксар (кроме Смоленской и Тамбовской областей, где он и в 1991 г. был велик), а особенно в Липецкой области. Более чем в полтора раза вырос этот сектор электората и в ряде изначально самых продемократических регионов — в Челябинской, Нижегородской, Самарской областях, в меньшей степени — в Волгоградской области. Эти сдвиги свидетельствуют о снижении поддержки президентского курса в ряде крупных городов и об ослаблении влияния мегаполисов на прилегающую "глубинку". Что касается сокращения радикально-традиционалистского электората, то оно затронуло в наибольшей степени северные регионы страны (снижение более чем в два раза в сравнении с 1991 г. на Таймыре, в Эвенкии, Корякском АО, в полтора-два раза — в Карелии, Республике Коми, Мурманской, Вологодской областях и т.д.).

Сравнение голосований на апрельском референдуме 1993 г. и во втором туре президентских выборов в 1996 г. показывает ту же картину. В эти три года, как и за все пять лет ельцинского правления, радикально-традиционалистский электорат постоянно рос в "красном поясе" и отдельных промышленных регионах, например, в Самарской, Нижегородской, Омской, Новосибирской областях, в Красноярском крае. Но именно в последние три года происходят заметные подвижки на Дальнем Востоке: в Хабаровском и Приморском краях отмечается один из самых высоких показателей расширения радикально-традиционалистского электората. Сдвиги в сторону оппозиции происходят в областях Центральной России, не относящихся к "красному поясу", — Тульской, Владимирской, Ивановской. Напротив, самое существенное сокращение радикально-традиционалистского электората в 1993-1996 гг. затрагивает Ингушетию с ее постоянными скачками из стороны в сторону, Дагестан, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Туву, Северный район (Вологодскую, Мурманскую область и Карелию), Москву и Санкт-Петербург.

Таким образом, за общей стабильной картиной стратификации российского электората в 1991-1996 гг. скрывается большой набор различных региональных

"траекторий". Наиболее сильные колебания характерны для республик с преобладанием или значительной долей титульного населения, где сказывалось действие (или бездействие) местных властей, имеющих рычаги влияния на избирателей.

Географические итоги президентских выборов. Б.Ельцин собрал более 50% голосов в 50 регионах, а больше, чем Г.Зюганов — в 57 регионах. Разброс показателей голосования за Президента оказался велик: от 31,8% в Чувашии до 79,8% в Ингушетии (здесь анализ строится по традиционной схеме — на показателях от явки, т.е. от числа активных избирателей, а не всего электората). География голосования за Б.Ельцина в основном осталась обычной для продемократического голосования последних лет: выделяются Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Таймырский АО, Свердловская, Пермская, Мурманская области, т.е. прежде всего крупногородские регионы, промышленный Урал — родина Президента, нефте- и газодобывающие регионы. К продемократическим регионам добавляются отдельные республики с сильным влиянием местных властей на электоральный процесс — Калмыкия, Ингушетия и Чечня с ее особыми условиями голосования. В перечисленных регионах Б.Ельцин получил более 70% голосов в каждом. С другой стороны, только 30-40% голосов президент получил в традиционно консервативных аграрно-индустриальных областях "красного пояса", в находящейся в глубоком кризисе Чувашии, где малопопулярны как центральные, так и местные власти, в Адыгее, где преобладает русское население, депрессивном аграрно-индустриальном Алтайском крае.

За лидера КПРФ во втором туре более 50% избирателей проголосовало в 25 регионах, а больше, чем за Б.Ельцина, — в 32 республиках, краях и областях России, что намного меньше, чем 16 июня (43 региона). И все же "красный пояс", хоть и стал заметно тоньше, вовсе не исчез с политической карты России.

Разброс показателей голосования за Г.Зюганова намного больше, нежели у его соперника, — от 15,2% в Ямало-Ненецком АО до 63,3% в Орловской области. В четырех регионах Г.Зюганов набрал более 60% голосов — Орловской (родина лидера КПРФ) и Тамбовской (один из самых "упорных" бастионов "красного пояса") областях, постоянно "краснеющей" Чувашии и Адыгее (единственный пример северокавказской республики, где не был должным образом задействован "административный ресурс", т.е. административное давление). Напротив, 15-20% Г.Зюганов получил в Ямало-Ненецком и Чукотском округах, Москве, Свердловской области и Ингушетии. Таким образом, особых сюрпризов с точки зрения территориального распределения избирателей, голосующих за альтернативные нынешнему режиму политические силы, президентские выборы не преподнесли.

Однако обращают на себя внимание существенные различия в численности электората, который удалось привлечь Б.Ельцину в июле 1996 г. Во втором туре доля голосов за Президента превысила долю голосов за поддержавшие его в декабре 1995 г. блоки на 17%* (от числа избирателей, см. картосхему 1). Прирост был особенно велик в республиках с контролируемым голосованием (более других отличились Ингушетия и Калмыкия — на 37 и 28%), традиционно реформаторских регионах (Москва, Свердловская область — на 24-25%, Санкт-Петербург, Пермская область), сырьевых регионах (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО — на 22-24%), "яблочных" регионах (Ростовская, Ленинградская, Ярославская и др. области). Наименьшим расширением ельцинского электората было в оппозиционных регионах (порядка 9-12%), где лояльно-демократическое голосование уже приблизилось к "точке насыщения".

* Учитывается голосование за 26 блоков, из которых наиболее крупными являются НДР, ДВР, "Преображение отечества" (для Свердловской области). Эти блоки поддержали кандидатуру Б.Ельцина своим коллективным решением или в лице своих лидеров, либо создавались при прямом или косвенном участии центральных властей, либо относятся к числу отчетливо демократических (помимо упомянутых выше — "Вперед, Россия!", "Общее дело", "Памфилова-Гуров-Лысенко", ПЭС, "Блок-89", Федерально-демократическое движение, "Женщины России", блок Ивана Рыбкина, ПРЕС, Дума-96, ТТТ, "Блок независимых", "Международный союз", "КЕДР", "Союз труда", "Стабильная Россия", Партия любителей пива, "Поколения рубежа", "Блок Дикюля", "Блок Джуны", "Мое отечество", "За Родину!", РОД).

Г.Зюганов во втором туре получил на 4,7% больше голосов, чем его коалиция в декабре 1995 г. (картосхема 2)**.

происходило в оппозиционных регионах, в том числе в Чувашии, Марий-Эл, Мордовии и Воронежской области — более чем на 10%. Из менее оппозиционных регионов серьезные сдвиги в голосовании за Г.Зюганова зафиксированы в Омской, Новосибирской, Астраханской, Оренбургской, Самарской, Челябинской областях, в Татарстане и т.д. Важной базой для расширения зюгановского электората были "жириновцы".

** Учитывается голосование за КПРФ, АПР, "Власть — народу", "Державу", блок "Коммунисты — Трудовая Россия — за Советский Союз", блок Станислава Говорухина.

На этом основании можно сделать вывод об усилении политического расслоения российских регионов на реформаторские и оппозиционные и о постепенном движении некоторых "центристских" регионов в сторону оппозиции. В ряде автономий кандидат оппозиции недобрал голоса его потенциальных избирателей из-за административного давления (Дагестан), "ухода" части избирателей АПР, поддерживавшейся местными властями (Калмыкия, Башкирия) и "Державы" (Курская область). Не произошло расширения зюгановского электората в реформаторских регионах (например, Москва повторила результат 1995 г.).

Основные сдвиги между двумя турами: особенности "перетекания" электората (общероссийский и региональные сценарии). Как известно, во втором туре по России в целом произошло значительное увеличение электората Б.Ельцина, существенный рост числа избирателей Г.Зюганова и числа голосующих против всех кандидатов, а также небольшое снижение явки. За счет чего произошли эти изменения и во всех ли регионах они происходили по одной и той же модели?

Корреляционный анализ, проведенный по 89 регионам, дает следующие результаты (в этом разделе используются показатели от общего числа избирателей). Прирост доли избирателей Президента обнаруживает наиболее значимую статистическую связь с долей голосов, полученных в первом туре Г.Явлинским ($r=0,43$). Статистически значима, но невелика корреляция прироста доли голосов, поданных за Б.Ельцина, с долей голосов А.Лебедея в первом туре ($r=0,22$). Положительная связь между этими двумя показателями свидетельствует о том, что электорат нынешнего секретаря СБ также внес свой существенный вклад в копилку Б.Ельцина, но за этим общим выводом угадываются серьезные региональные различия в поведении избирателей А.Лебедея. Значимая положительная связь обнаружена и при расчете корреляции с суммарной долей голосов, поданных за кандидатов-аутсайдеров, не набравших одного процента голосов (С.Федоров, М.Горбачев, М.Шаккум, Ю.Власов и В.Брынцалов). В данном случае $r=0,27$, а значит, прирост показателя Б.Ельцина обеспечивали и эти голоса (в основном голоса С.Федорова). В случае с В.Жириновским, напротив, наблюдается слабая отрицательная связь ($r= -0,16$). Следовательно, голоса В.Жириновского в основном ушли к Г.Зюганову или "в никуда".

Действующий Президент, приобретя между двумя турами в целом по России 12,4 % голосов (картосхема 3), особенно сильно расширил свой электорат в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Ярославской области, Татарстане, на Чукотке и в Карачаево-Черкесии. Стоит заметить, что в числе территорий с особенно высоким приростом доли голосов за Б.Ельцина — Северная Осетия, президент которой А.Галазов накануне второго тура заявлял о своей активной поддержке Президента, хотя все-таки абсолютное большинство избирателей республики отдало голоса Г.Зюганову. В целом же в числе регионов с наибольшим ростом рейтинга Президента между 16 июня и 3 июля фигурируют:

— территории, где особенно много избирателей проголосовало в первом туре за А.Лебедея — единственного из сошедших с дистанции кандидатов, прямо и недвусмысленно призвавшего своих избирателей поддержать Президента (Мурманская, Ярославская, Ивановская, Магаданская, Ростовская, Рязанская, Томская, Тульская, Костромская, Челябинская и др.);

— "яблочные" регионы, в которых, несмотря на неопределенную позицию Г.Явлинского, абсолютное большинство его избирателей отдало свои голоса

Президенту (Камчатка, Санкт-Петербург, Карелия, Кировская, Калининградская, Новгородская, Архангельская области и др.);

— "национальные" республики, избиратели которых труднообъяснимо резким образом изменили свою ориентацию за короткое время. Наиболее яркий пример — Дагестан, дружно проголосовавший за коммунистов и в декабре 1995 г., и 16 июня 1996 г., но затем отдавший большинство Б.Ельцину. В этом же ряду — крупнейшие по демографическому и индустриальному потенциалу республики — Башкирия и Татарстан (впрочем, в крупных городах Татарстана демократические силы еще в 1989-1990 гг. были весьма влиятельны), а также Карачаево-Черкесия;

— традиционные оплоты Президента и поддерживавших его сил, где усиление его влияния (или возврат к прежнему высокому рейтингу) вполне логичен (северные автономные округа, Московская область, Хабаровский край и др.).

Напротив, за редкими исключениями (Ставропольский край, Еврейская автономная область) традиционно оппозиционные регионы продемонстрировали довольно скромный рост поддержки Президента (области Центрального Черноземья, Ульяновская, Пензенская, Омская области, Чувашия, Оренбургская, Волгоградская, Саратовская, Самарская области). Здесь Президент уже в первом туре приблизился к исчерпанию своего электората. В этом же ряду — некоторые регионы, в которых в первом туре он завоевал достаточное прочное большинство — Калмыкия, Тува и др.

При анализе результатов голосования за Г.Зюганова выявляется весьма четкая корреляция показателей прироста доли поданных за него голосов с показателями голосования в первом туре за В.Жириновского ($r=0,60$) и А.Лебеда ($r=0,57$). Из этого можно сделать вывод о том, что дополнительные избиратели к лидеру КПРФ пришли именно от этих двух кандидатов. Некоторая положительная связь обнаружена и с показателями Г.Явлинского ($r=0,25$), что говорит о том, что и данный вариант перетекания голосов имел место. Статистическая зависимость прироста зюгановского показателя с показателем голосования за аутсайдеров отсутствует ($r= -0,03$).

Анализ показателей прироста доли голосующих за Г.Зюганова в регионах показывает, что наибольший прирост действительно был характерен для регионов, успешных в первом туре для А.Лебеда и В.Жириновского (картосхема 4). Более чем на 10% выросла поддержка лидера КПРФ в Псковской и Ивановской областях, которые по итогам первого тура относились к числу самых удачных для А.Лебеда. В числе регионов, где Г.Зюганов в наибольшей степени расширил свой электорат в промежутке между турами, выделяются также "лебединые" Ярославская (самый высокий в стране показатель голосования за А.Лебеда в первом туре, одновременно — значительное расширение ельцинского электората за счет тех же голосов А.Лебеда), Тульская, Костромская области. Высоким был прирост голосов, поданных за Г.Зюганова, и в наиболее успешных регионах лидера ЛДПР — Читинской области и Приморском крае (на уровне 7-9%).

Из 20 регионов, в которых кандидат народно-патриотического блока добился во втором туре прироста поданных за него голосов на 7 и более процентов, часть принадлежит к традиционно оппозиционным областям — от бывшей "вотчины" ЛДПР Псковской области на западе, в которой зарегистрировано максимальное увеличение влияния Г.Зюганова (12,3 %), до Читинской области на востоке. Остальные территории с наибольшим ростом поддержки лидера КПРФ принадлежат в основном к регионам-"середнякам", с примерным балансом сил между правоцентри-стскими и оппозиционными партиями.

В шести регионах многие избиратели, голосовавшие за Г.Зюганова в первом туре, отказали ему в поддержке во втором туре, что привело к уменьшению доли голосов за кандидата-коммуниста, причем в трех регионах — более чем на 5%, а в Дагестане — на 10,4%. Все эти регионы — республики, в основном кавказские, кроме Татарстана.

Интересно проанализировать, за счет чего произошел рост абсентеизма, отмеченный в явном большинстве регионов. Прежде всего заметим, что снижение явки почти не затронуло избирателей двух основных соперников. Коэффициент корреляции между ростом абсентеизма и показателем Г.Зюганова в первом туре составил $r = -0,06$. У ельцинских избирателей не было "головокружения от успеха", и падение явки в большей степени затронуло менее удачные для Б.Ельцина регионы ($r = -0,28$). Это означает, что электорат Президента был во втором туре в основном мобилизован.

Корреляционный анализ показывает, что спад явки в основном произошел за счет избирателей В.Жириновского ($r = 0,57$) и А.Лебеда ($r = 0,45$), существенная часть которых отказалась выбирать между Б.Ельциным и Г.Зюгановым. Как и в случае с Г.Зюгановым, отсутствует зависимость между снижением явки и голосованием за Г.Явлинского ($r = 0,03$). И, наконец, отмечается слабая обратная зависимость между снижением явки и голосованием за аутсайдеров ($r = -0,24$). Вероятно, избиратели кандидатов-аутсайдеров в большинстве своем приняли участие во втором туре и, как видно из предшествующих выкладок, им ближе оказался Б.Ельцин.

Очень четко выражена зависимость между ростом доли голосующих против всех и голосованием в первом туре за А.Лебеда, Г.Явлинского и В.Жириновского, которая показывает довольно существенную ориентацию части избирателей только на своих избранников. Наиболее высокая корреляция наблюдается с показателями А.Лебеда ($r = -0,75$), т.е. среди его избирателей "однолюбы" встречаются чаще. Прирост числа голосующих против всех совершенно явно происходил и за счет избирателей Г.Явлинского ($r = 0,63$) и В.Жириновского ($r = 0,56$). Меньше всего "однолюбов", как и следовало ожидать, оказалось у кандидатов-аутсайдеров ($r = 0,12$).

В большинстве регионов перетекание избирателей проходило примерно по одному сценарию: Б.Ельцин собрал голоса Г.Явлинского, А.Лебеда (в неодинаковой степени в разных регионах) и аутсайдеров, Г.Зюганов — В.Жириновского и того же А.Лебеда. Часть (но не столь значительная, как ожидалось) избирателей А.Лебеда, Г.Явлинского и В.Жириновского голосовала против всех, часть избирателей В.Жириновского и А.Лебеда предпочла абсентеизм.

Но не во всех регионах события разворачивались по описанной схеме. Особенно четко выделяется "республиканский сценарий": во втором туре произошли рост явки (в пользу Б.Ельцина), снижение числа избирателей Г.Зюганова (с их переходом на сторону действующего Президента), а также отмечено голосование за Б.Ельцина подавляющего большинства избирателей выбывших из борьбы претендентов. В результате Б.Ельцин либо обошел своего соперника, либо еще больше увеличил свой отрыв. Такой поворот событий отмечен в целом ряде российских республик — в Дагестане (наибольшее снижение показателя Г.Зюганова — на 10,4% от общего числа избирателей!), Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Ингушетии (наибольший прирост явки между турами — на 13,4%!), Татарстане, Кабардино-Балкарии. Объяснить девиантное электоральное поведение в этих республиках можно только мощной мобилизацией между турами "административного ресурса" с разными вариантами его использования.

Еще в целом ряде регионов наблюдается более "мягкий", но столь же неблагоприятный для Г.Зюганова и, напротив, позитивный для Б.Ельцина ход событий. При этом сценарии во втором туре произошел некоторый рост явки, Г.Зюганов почти не расширил свой электорат, тогда как Б.Ельцин привлек на свою сторону не только "новых" избирателей и электорат Г.Явлинского, но и почти всех избирателей А.Лебеда и значительную (если не основную) часть избирателей В.Жириновского. По наиболее ярким образцам назовем этот сценарий "московско-башкирским". Он проявился также в Петербурге (рост явки на 3%), Подмосковье, Свердловской и Самарской областях, Ямало-Ненецком АО. Помимо мобилизации "административного ресурса" сыграли свою роль заинтересованность избирателей этих регионов в сохранении социально-экономического статус-кво и их консолидация на основе активного антикоммунизма.

Особо можно выделить благоприятный для Г.Зюганова сценарий, в соответствии с которым он получил, по всей видимости, большинство голосов не только В.Жириновского, но и А.Лебедея, тогда как Б.Ельцину пришлось удовольствоваться голосами одного Г.Явлинского. Характерными примерами здесь стали Тува и Агинский Бурятский АО, где к Г.Зюганову отошли почти все избиратели выбывших кандидатов, в то время как Б.Ельцин "нарастил" всего 1,6-1,7% (от числа избирателей). По описанному выше сценарию ("Ельцину от Явлинского, Зюганову от Жириновского и Лебедея") перетекание голосов проходило в "красном поясе" и ряде восточных регионов (Новосибирская, Омская области и др.). Такое голосование свидетельствует о низком влиянии А.Лебедея на свой электорат в этих регионах (как правило, в них преобладали вновь приобретенные А.Лебедем голоса, оттянутые в первом туре у того же Г.Зюганова либо у В.Жириновского), о высоком потенциале протестного голосования, которое не могло быть "сбито" маневрами генерала (наиболее бедные, кризисные регионы) и о незадействованном административном ресурсе.

Почему голосуют так, а не иначе? От внимания исследователей до сих пор нередко ускользает анализ причин, почему одни регионы высказываются одним образом, а другие иным. В случае с республиками, в которых высока доля титульного сельского населения, ситуация более-менее ясна.

Сложнее вскрыть мотивации голосования в "русских" краях и областях. Популярное объяснение голосования за оппозицию тяжелыми социально-экономическими условиями в регионе не выдерживает критики. Возьмем, например, группировку регионов России по качеству жизни, проведенную Л.Стрижковой и Т.Златоверховой-никовой на основе шести показателей (восемь групп)*. В числе регионов с высоким качеством жизни (первая группа) оказываются верная президенту Москва, Самарская область с относительным лидерством Б.Ельцина и большим числом избирателей Г.Зюганова и, наконец, "красная" Белгородская область. Среди регионов с повышенным качеством жизни (вторая группа) фигурируют как Санкт-Петербург, так и Ульяновская область со Ставропольским краем. С другой стороны, ни в одном из четырех регионов с критической социальной ситуацией (восьмая группа) Г.Зюганов не одержал убедительной победы. Более того, в Калмыкии уверенно победил Б.Ельцин, в Дагестане и Ивановской области он набрал более 50% голосов, и только в Псковской области небольшое преимущество было у Г.Зюганова. В числе регионов с повышенной социальной напряженностью (седьмая группа) — Пензенская и Курганская области с лидерством Г.Зюганова и Владимирская и Кировская области с лидерством Б.Ельцина, Таким образом, прямой связи качества жизни с голосованием не прослеживается.

* Л Стрижкова, Т Златоверховникова Регионы России качество жизни —"Обозреватель", 1996, №5, с 38-41

Нет корреляции и между голосованием и тенденциями экономического развития. Например, Ивановская область устойчиво лидирует по показателю высокой безработицы. В итоге — явное лидерство Б.Ельцина на президентских выборах! Возьмем список депрессивных регионов, предложенный в свое время аналитическим центром при Президенте РФ (16 регионов)**. В этом списке — республики, которые предпочли Б.Ельцина, — Тува, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Дагестан. Но, допустим, выводы на подобном основании делать нельзя, поскольку голосование в них было контролируемым, и электорат был заинтересован в демонстрации лояльности, чтобы не лишиться дотаций из центра (там, где контроля не было, депрессивные республики выбрали Г.Зюганова: Чувашия, Адыгея, в меньшей степени — Горный Алтай и Мордовия). Однако и с "русскими" депрессивными регионами такое объяснение недостаточно. Действительно, Алтайский край, Читинская, Псковская области предпочли Г.Зюганова. Но в Ивановской и Костромской областях первое место занял Б.Ельцин. Кроме того, голосованием за Г.Зюганова выделялись области, где экономическая ситуация не столь плоха (та же Белгородчина).

** О Программе помощи депрессивным районам — Аналитический центр при Президенте Российской Федерации (1994)

Наконец, рассмотрим корреляцию голосования на президентских выборах с уровнем жизни в регионах. Возьмем показатель отношения среднедушевого дохода к прожиточному минимуму за март 1996 г. и посчитаем коэффициент корреляции с долей голосующих за Б.Ельцина во втором туре президентских выборов (автономные округа включены в состав соответствующих краев и областей, за отсутствием данных не учтены Чечня, Еврейская АО и Чукотский АО, поэтому расчеты проведены по 77 регионам). Положительная корреляция между этими показателями не очень велика ($r=0,21$), однако если не учитывать данные по автономиям, то для 50 краев и областей, в составе которых нет автономных округов, $r=0,31$.

Среди регионов с относительно высоким уровнем жизни можно обнаружить не только "ельцинские" (Москва, Санкт-Петербург, Пермская, Мурманская области, Красноярский край, Тюменская область), но и вполне "зюгановские" (Белгородская, Ульяновская, Орловская, Липецкая, Кемеровская области). Среди самых бедных республик произошло расслоение на "контролируемые", проголосовавшие за Б.Ельцина (Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Тува и др.), и "неконтролируемые", которые предпочли Г.Зюганова (Марий-Эл, Адыгея, Чувашия). Самые бедные края и области в основном все же склоняются к поддержке оппозиции (Читинская, Саратовская, Псковская, Пензенская, Астраханская области, Алтайский край), но вовсе не все (относительно "проельцинские" — Владимирская, Ивановская, Сахалинская области).

Таким образом, результаты выборов не слишком соотносятся с социально-экономическими показателями. Чем же попытаться объяснить результаты выборов?

Самой надежной зацепкой представляется проведение корреляции результатов голосования не с социально-экономическими показателями, а с уровнем урбанизации. Правда, по всем регионам России эта корреляция мала. Для голосования за Б.Ельцина она вообще несущественна ($r=0,08$ с учетом поселков городского типа и $r=0,11$ для "очищенного" показателя урбанизации — только для городов; здесь и далее второй показатель вычислялся по 87 регионам, без учета данных по Чечне и Ингушетии). Более значимой и, естественно, отрицательной эта корреляция оказывается для Г.Зюганова (соответственно $r= -0,28$ и $r= -0,20$). Однако если мы исключим из анализа автономии с их особым типом голосования, картина станет более ясной. Голосование за Б.Ельцина обнаруживает положительную корреляцию с урбанизацией ($r=0,63$ с учетом поселков городского типа и $r=0,65$ только для городов), тогда как голосование за Г.Зюганова — еще более выраженную отрицательную (соответственно $r= -0,72$ и $r= -0,65$). Таким образом, в русской политической культуре голосование во многом обусловлено принадлежностью избирателей к городской или сельской субкультурам. Все же вряд ли можно снова с позиций экономического детерминизма утверждать, что село больше голосует за Г.Зюганова потому, что живет хуже города: в средних и малых, да и во многих крупных городах положение ничем не лучше, а возможности дополнительных заработков, на которые часто указывают, есть не только в городе, но и на селе. Кроме того, селянам проще себя прокормить.

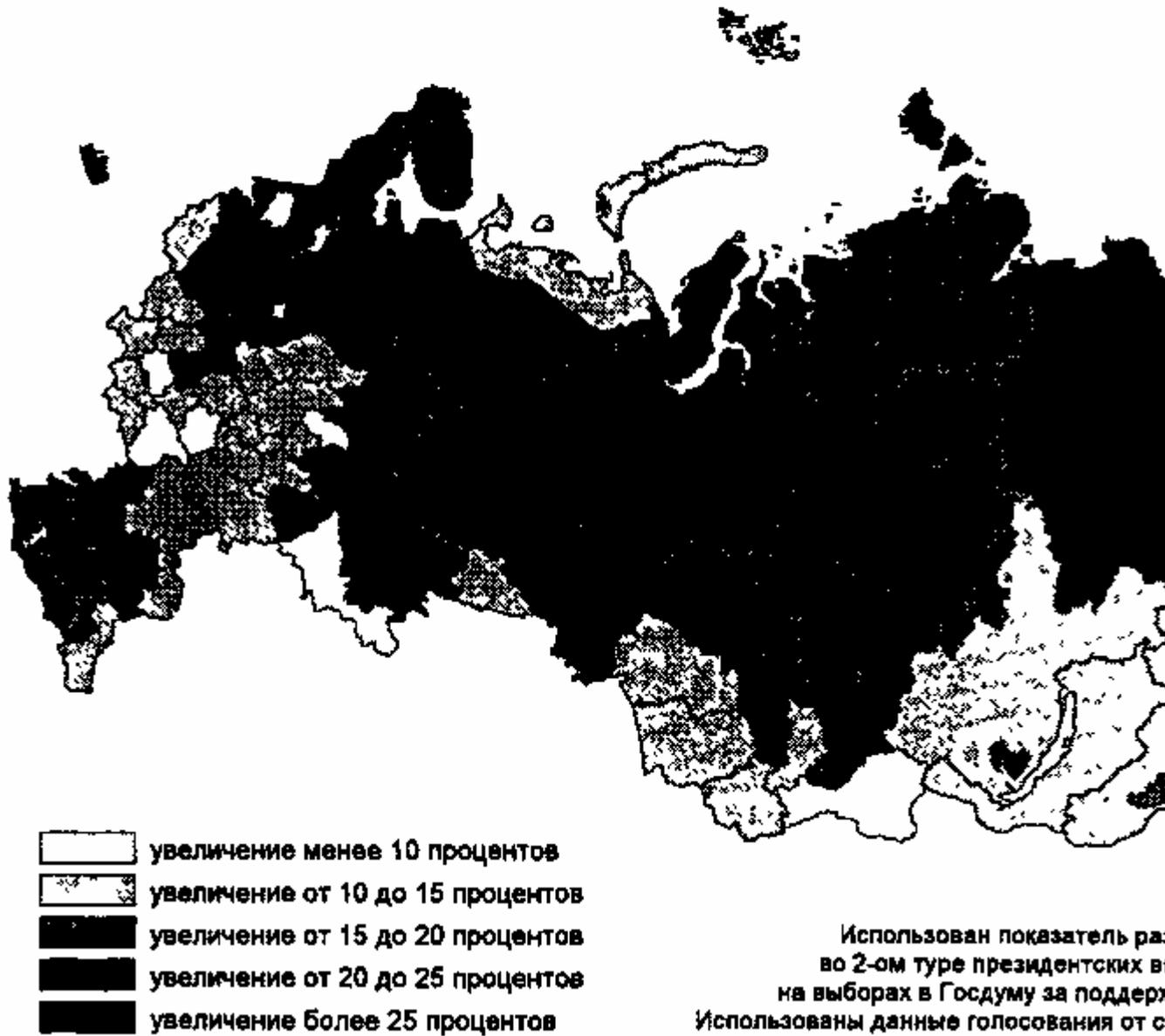
Таким образом, речь в России все же идет не о "голосовании желудком", хотя оно тоже имеет место. Уровень жизни и социально-экономическая ситуация в регионе — лишь один из факторов электорального поведения, и он не всегда срабатывает. По преимуществу значимым является то, с какими политическими силами избиратели связывают или не связывают надежду на выход страны из кризиса, а также те ценности, которые близки избирателям вне прямой зависимости от их нынешнего материального положения. И уже далее происходит разделение на традиционалистскую сельскую культуру, которой адекватны позиции политических сил типа КПРФ, ЛДПР, АПР и др., и либерально-модернизационную городскую, продолжающей связывать надежды на улучшение ситуации с нынешней властью, которой чужд традиционализм, в особенности "красный", и которая выступает за продолжение реформ и голосует за Б.Ельцина, НДР, ДВР, "ЯБЛоко". Формируется также промежуточная ("центристская") политическая культура, тяготеющая к городам, а при "двухполюсных" голосованиях (типа последних президентских выборов) высказывающаяся, хотя и со многими оговорками, все же за нынешнюю власть.

Естественно, традиционалистская культура присутствует и в городах, но в меньшей пропорции. Обычно она более характерна для городов, "выросших" из своего сельского окружения (как в Центральной России), но не для новых городов, возникших в результате миграций из других частей страны (как на Севере и Востоке). Либерально-модернизационная культура не свойственна для села и распространена только в городах. Центристская культура более характерна для городов, но встречается и в некоторых сельских районах, особенно на Севере.

Из всего вышесказанного вытекает, что объяснение политического расслоения российских регионов должно быть не конъюнктурным социально-экономическим, а социокультурно-историческим. Речь идет о все более отчетливом выделении в России, во-первых, городской и сельской политических культур, во-вторых, множества региональных политических субкультур (поскольку урбанизация тоже объясняет далеко не все). Такое разделение объясняется, на наш взгляд, не грубым экономическим детерминизмом, а особенностями истории и культуры различных земель. Социально-экономическая ситуация оказывает только отклоняющее воздействие. Каждая из политических культур имеет свои ценностные ориентации и дает "на выходе" — во время выборов — различные соотношения голосов за разные политические силы. Именно здесь — поле для дальнейших исследований.

КАРТОСХЕМА 1

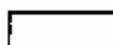
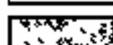
Расширение электоральной базы Б.Ельцин
на президентских выборах 1996 г. по сравнению
с выборами в Госдуму в декабре 1995

КАРТОСХЕМА 2

Расширение электоральной базы Г.Зюганова на президентских выборах 1996 г. по сравнению с выборами в Госдуму в декабре 1995

- снижение доли голосов
- увеличение до 3 процентов
- увеличение от 3 до 6 процентов
- увеличение от 6 до 9 процентов
- увеличение более 9 процентов

Использован показатель разности долей голосов в первом и во 2-ом туре президентских выборов на выборах в Госдуму за блоки, выступившие за Г.Зюганова. Используются данные голосования от списков.

КАРТОСХЕМА 3

Динамика голосования за Б.Ельцина от первого ко второму туру президентских выборов в 1996 г.

КАРТОСХЕМА 4

**Динамика голосования за Г.Зюганова
от первого ко второму туру президентских выборов в**

